

Чжань Цзинъань еще не успела опомниться и о чем-то спросить, как толпа, собравшаяся у Долины Хаожань, сама собой выстроилась в длинную вереницу и с шумным оживлением двинулась вглубь долины.

Народ бурлил. Чжань Цзинъань заметила, что девица-пьянчужка вовсе не собирается следовать за толпой в долину. Вокруг них и позади теснились люди: хотя проход был достаточно широким, стоять посреди дороги было бы нарушением приличий, к тому же Чжань Цзинъань опасалась, что такую мягкую и нежную крошку могут толкнуть или задеть. Подумав об этом, она протянула руку и ухватила девицу-пьянчужку за запястье, намереваясь сначала отвести ее в сторонку. Но в конце лета ее кончики пальцев ощутили легкую прохладу, от которой она невольно замерла.

Та девица-пьянчужка тоже оказалась совершенно не готова: она почувствовала лишь теплый и нежный мягкий жар на ладони, совершенно не похожий на ледяной холодок Стеклопанной Тыквы-Горлянки для Вина. Ее прищуренные миндалевидные глаза мгновенно широко раскрылись, и она молча уставилась на «виновницу» — Чжань Цзинъань. В ее взгляде сквозило что-то от маленького котенка, который весь день напролет проказничал в одиночку среди лета — невинная наивность, смешанная с капризным кокетством.

Пойманная этим взглядом девицы-пьянчужки, Чжань Цзинъань разом растеряла все слова, что собиралась произнести на свет, и какое-то время могла лишь бессознательно сохранять улыбку на губах.

Они молча смотрели друг на друга, с полминуты не говоря ни слова.

— Ох, сколь бы близки ни были две башни — то есть, простите, две девы, — все же оставьте шанс и этому молодому госпожичу взглянуть на выставку Долины Хаожань, м?

Чжань Цзинъань и девица-пьянчужка дружно выдали удивленное «а», наконец-то возвращаясь к действительности, и Чжань Цзинъань потянула девицу-пьянчужку за собой, отступая в сторону. Место, где они встали, в общем-то, никому не мешало, но роскошная конская повозка была поистине огромной: даже при достаточно широком выходе из прохода их преграда показалась бы хоть немного, но стеснительной.

— Только что мне посчастливилось слышать, как бавары — тьфу, как барышня столь непринужденно и со знанием дела рассуждала об усадьбах и загородных резиденциях Долины Хаожань, являя собой весьма незаурядную эрудицию. Сей молодой господин невольно обратил на нее внимание, страстно желая обрести в ее лице родственную душу, дабы всласть побеседовать в Усадьбе Лунный Лавр. Как же так вышло, что ныне, стоило лишь ступить в долину, барышня вдруг засомневалась? Доводилось мне слышать о тоске по родным местам перед самым порогом дома, неужто ты, барышня... м?

Многослойные занавески роскошной повозки не были задернуты, и сквозь них смутно угадывался точеный и изящный человеческий силуэт. Переплетение занавесей не помешало голосу лениво пролиться наружу, когда повозка проезжала мимо девицы-пьянчужки;

интонации звучали так естественно, будто обращался старый, давно не виденный друг.

— Она конечно же сомневается! Да потому что у нее отродясь не было пригласительного билета, выданного Долиной Хаожань!

Здоровяк с короткой светлой стрижкой выдернул из-за пояса топор, с криками «и-я-и-я» взмахнул им пару раз и прямо указал лезвием на девицу-пьянчужку.

Этот рев прозвучал до того громко, что даже привычно спешащая толпа притормозила у входа в долину, с любопытством косясь в эту сторону в ожидании зрелища. А самые не в меру любопытные и вовсе принялись подначивать:

— А ты откуда знаешь?

— Хэ, само собой! Да ее пригласительный билет — наш краденый!

Девушка-пьянчужка нетерпеливо повела бровей и уже собиралась заговорить, но Чжань Цзиньань опередила ее. Шагнув ей заслонкой вперед, она звонко спросила:

— Кто вы такие и где доказательства?

Чжань Цзиньань испытывала смутное раздражение: в конце концов, обвинение в воровстве, если нет веских улик, может вызывать определенные сомнения, но бросаться ими столь опрометчиво никак нельзя.

— Все мы четверо братьев можем поручиться! Именно эта поганая девчонка его украла!

Еще четверо крепких парней выступили по обе стороны от здоровяка с топором, и на всех лицах застыло выражение полной уверенности в своей правоте.

Девушка-пьянчужка же держалась совершенно непринужденно. Поиграв собственным локоном, она легко рассмеялась:

— Вы же сами говорите, что приходитесь друг другу братьями, разве ж такие показания могут чего-то стоить?

— Поганка! Ты хочешь сказать, что мы, Пять Героев Зеленого Леса, лжем?

— Вы сами это сказали, а этот молодой господин не произнес и полслова.

Девушка-пьянчужка надула щеки, выглядя донельзя простодушно, невинно и чисто.

— Ха! А ну посмей предъявить всем пригласительный билет! — рявкнул здоровяк с топором.

— Смешно!

Девушка-пьянчужка сбросила с лица мягкое выражение и строго произнесла:

— Раз за мной нет никакой вины, с какой стати мне подчиняться вашим требованиям и оправдываться? Более того, даже если бы дело дошло до проверки, вам до этого никакого дела нет.

— Раз не хочешь показывать — значит, рыльце в пушку! Вообще-то я давно ломал голову: откуда у тебя вообще взялся пригласительный билет? С чего бы кому-то звать какую-то нонейм-шпану любоваться Усадьбой Лунный Лавр в Долине Хаожань? И чего ты тогда из себя строила знатока?

Не успели Пять Героев Зеленого Леса вымолвить слово, как тот самый крепыш, что только что пикировался с девушкой-пьянчужкой, проявил бурную инициативу, надеясь вернуть потерянное лицо.

Девушка-пьянчужка извлекла из-за пазухи пригласительный билет, лениво помахала им и с улыбкой произнесла:

— Мой пригласительный вот он! Хотите посмотреть — подходите и берите сами!

Едва договорив, девушка-пьянчужка метнулась в сторону. Ее движения были легки и невесомы, она виртуозно лавировала между людьми — сразу видно, заправская мастерица боевых искусств. Не успели моргнуть глазом, как она уже оказалась на территории выставочной зоны Долины Хаожань.

— Лови ее! — Пять Героев Зеленого Леса растолкали толкучку и бросились в погоню.

Убранство дворов и павильонов внутри Долины Хаожань поражало изысканностью. Коридоры Яньси вились причудливыми изгибами, но были устроены столь искусно, что даже скрытые механизмы работали в безупречном согласии. Всего в коридорах насчитывалось тридцать шесть ответвлений — ровно шесть по шесть, — каждое из которых уходило в ту или иную сторону, а в разное время суток они еще и смещались, являя бесконечные метаморфозы.

Девушка-пьянчужка очутилась в одном из таких коридоров, обернулась и с усмешкой посмотрела на преследующих ее Пять Героев Зеленого Леса:

— Коридоры Яньси таят тысячи изгибов и переходов, смотрите не отстаньте, а то заблудитесь.

— Ах ты паршивка! Разделиться, взять в клещи!

Заметив погоню, девица-пьянчужка легко взмыла в воздух при помощи легких шагов и приземлилась на ветку персикового дерева. Прислонившись спиной к толстому стволу, она уселась на развилке. Вокруг бушевало розовое море лепестков, а она, безмятежная и расслабленная, сделала большой глоток из фляги.

— Так это и есть Доки Персиковых Цветков? — Чжань Цзинъань следовала по пятам.

Перед ее глазами предстал небольшой персиковый дом, окруженный гладью озера и десятками цветущих деревьев, где переплетали бело-розовые лепестки поэзия и романтика.

Здоровяк с топором, тяжело отдуваясь, взмахнул рукой и взревел:

— Живо! Стряхните ее оттуда!

Несколько здоровяков обступили дерево и принялись яростно трясти толстые ветки, отчего розовый дождь из лепестков стал еще гуще.

— Хватит! Такая красота не заслуживает того, чтобы ее топтали такие невежды, как вы!

Девица-пьянчужка легко оттолкнулась носком сапога от ветки и упорхнула в другое место.

Классическая тишина, журчание чистой воды, раскачивающиеся бамбуковые стебли и звонкий стук капель по каменным плитам — разве это не та самая Беседка Слушающего Вино, о которой шла речь мгновение назад?

Девица-пьянчужка наклонила Стекланную Тыкву-Горлянку для Вина, запрокинула голову и сделала жадный глоток. Прозрачное вино струйкой скатилось с ее изогнутых губ по подбородку, сверкая на солнце чистыми бриллиантовыми каплями. Небрежно швырнув тыкву-горлянку куда-то в сторону и проведя тыльной стороной ладони по губам, она состроила довольную физиономию кошки, только что полакомившейся рыбкой.

— И правда вино из Обители Развеивания Скорби, поездка удалась на славу. Должно быть, этот беспутный пьянчуга содрал с вашей Долины Хаожань немало золота за один этот родник с чудесным вином.

— Девчонка, попалась! Куперь теперь денежки — то есть, погодите, попалась в наши руки?

Пять Героев Зеленого Леса окружили девицу-пьянчужку, разом обнажая оружие.

— Осторожно! — Чжань Цзинъань уже собиралась вмешаться, как вдруг блеснул золотистый свет, мгновенно отбросив Пять Героев Зеленого Леса назад.

Оказалось, что девица-пьянчужка взмахнула длинным хлыстом. При беглом взгляде хлыст был не короче ее собственного роста, отливал бело-желтым сиянием и источал слабый свет, напоминающий утреннюю зарю — совсем не похожий на обычное оружие.

Еще больше, чем хлыст, привлекало внимание узорное украшение на ее правой руке: центральное кольцо охватывало средний палец, сверкая россыпью мелких бриллиантов, а серебристо-белые цепочки струили холодноватый свет, соединяясь с бриллиантовым браслетом на запястье. Ровно посередине красовались две маленькие звездочки, между которыми был инкрустирован светло-золотой драгоценный камень неизвестного происхождения; его чистый, мягкий и нежный блеск таил в себе бесконечное тепло.

— Раз вам так хочется поиграть, этот молодой господин снизойдет и уделит вам пару минут!

Девица-пьянчужка взмахнула хлыстом, поднимая волну бледно-золотого сияния, и с маху опутала топор. Налегая правой рукой, она едва не свалила здоровяка с ног — лишь вмешательство двух его сотоварищей спасло того от падения.

Укрепив стойку, здоровяк с топором крикнул поделщикам:

— Будьте начеку, у этой девчонки и правда руки не для красоты!

Все пятеро разом ринулись вперед. Оружие сошлось в звонком столкновении, сплетясь в неразличимый клубок. Толпа праздных зевак мгновенно притихла, затаив дыхание в ожидании развязки.

Чжань Цзинъань, едва прибыв сюда, уже передала своего скакуна Сяо Цзян людям из Долины Хаожань и страстно желала вытащить девицу-пьянчужку из самого эпицентра схватки, но совершенно не представляла, как подступиться. Она лишь молча терзалась тревогой, пока мысль о том, что мастерство девицы-пьянчужки вряд ли уступает ее собственному, не заставила замершее у самого горла сердце наконец опуститься на место.

Пока она размышляла об этом, девица-пьянчужка взмахнула хлыстом и, воспользовавшись очередным изменением механизмов коридора, которые вновь пришли в движение, ускользнула в выставочную зону следующего поместья.

<http://bllate.org/book/19522/1913971>